

Шляхова Наталья Александровна

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО (ПРАВОСЛАВНОГО) ДИСКУРСА

В статье выделяются и описываются основные черты современного религиозного (православного) дискурса, определяющие его уникальное положение в стилистической системе русского языка, а именно: особый состав участников религиозной коммуникации; наличие центрального текста, создающего интертекстуальные связи внутри всего пространства религиозного дискурса; сосуществование двух языковых систем - русского и церковнославянского языков. Автором проанализированы разные точки зрения на соотношение русского и церковнославянского языков в современном социуме и сделан вывод о существовании диглоссии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 202-204. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

В статье выделяются и описываются основные черты современного религиозного (православного) дискурса, определяющие его уникальное положение в стилистической системе русского языка, а именно: особый состав участников религиозной коммуникации; наличие центрального текста, создающего интертекстуальные связи внутри всего пространства религиозного дискурса; сосуществование двух языковых систем – русского и церковнославянского языков. Автором проанализированы разные точки зрения на соотношение русского и церковнославянского языков в современном социуме и сделан вывод о существовании диглоссии.

Ключевые слова и фразы: религиозный дискурс; религиозная коммуникация; Библия; коммуникативная рамка; интертекстуальные связи; церковнославянский язык; русский литературный язык; сакральный язык; Священное Писание; диглоссия.

Шляхова Наталья Александровна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
nshlyahova@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО (ПРАВОСЛАВНОГО) ДИСКУРСА©

В настоящее время не вызывает сомнения существование религиозного дискурса (РД) религиозного стиля (*религиозно-проповеднического* в терминологии Л. П. Крысина [7], или *церковно-религиозного* в терминологии М. Н. Кожинной [6]). Однако вопрос о его статусе продолжает оставаться дискуссионным, что связано прежде всего с критериями выделения РД в отдельную группу.

Поскольку все виды дискурса, по мысли М. Фуко [16], находятся во взаимном обмене, РД открыт для проникновения иностилевых элементов. В частности, жанровый репертуар РД не ограничивается молитвой, исповедью, проповедью, но включает в себя жанры, «стилистически ориентированные на другие коммуникативные сферы» [12, с. 343] (например, доклады участников религиозных конференций; официальные документы Патриархии; очерки, интервью православных журналов). РД имеет зоны пересечения, которые сближают его с публицистическим, научным, официально-деловым, художественным и разговорным дискурсами. При этом сохраняется набор специфических характеристик, позволяющих говорить об уникальности РД, приведенных ниже.

1. *Коммуникативная рамка.* Как отмечает В. И. Карасик, «уникальная специфика РД состоит в том, что к числу его участников относится Бог» [5, с. 221]. Традиционная коммуникативная рамка, предполагающая наличие двух мест, занятых отправителем и получателем, в РД трансформируется. Отношения отправителя и получателя выстраиваются в зависимости от того, какое место они занимают в отношении Бога. Традиционно выделяют две группы участников религиозной коммуникации: 1) человек – Бог (Небесные Силы; Божия Матерь, святые) и 2) человек – человек [1]. Такому общению присуща, с одной стороны, иерархичность («отцовская» линия: священнослужитель – мирянин), с другой стороны, равенство («братская» линия: священнослужитель – священнослужитель, мирянин – мирянин). Применительно к русскому православному религиозному дискурсу можно говорить о существовании прототипической модели отношений коммуникантов, которую находим в Новом Завете: Иисус Христос (Сын Божий) – Ученики (Апостолы) – люди. Как пишет Н. Б. Мечковская, «коммуникативная триада “участников общения” (Бог – Посланик Бога – Люди), к которым обращено Откровение Бога, в Новом Завете осложняется. Каждый “участник общения” предстает в нескольких образах» [10, с. 125].

2. *Библия как основной текст РД.* В отличие от всех прочих дискурсов РД (православный) имеет ключевой текст – текст Библии (Евангелие, в частности), который «оказывается тем смысловым ядром, силовое поле которого порождает новые смыслы и новые тексты» [Там же, с. 148]. Библия относится к числу постоянно воспроизводимых текстов, однако, библейские цитаты в тексте еще не гарантируют его принадлежность РД. Определяющую роль в данном случае играет целеустановка участников коммуникации. Если для автора высказывания Библия является хранилищем священных смыслов, то можно с большей вероятностью говорить о принадлежности такого высказывания РД. Если автор высказывания, используя библейскую цитату, не осознает ее интертекстуальную связь со Священным Писанием (например, бытовая жалоба «*Надоело бросать бисер...*») или использует библейский интертекст с целью пародирования, эпатажа или достижения комического эффекта (атеистические анекдоты), то данное высказывание не может относиться к религиозному дискурсу.

Эксплицитно или имплицитно Священное Писание присутствует практически в любом тексте РД. Постоянную опору на Библейский текст демонстрируют, в первую очередь, ядерные жанры РД. Так, например, в проповеди присутствуют следующие интертекстуальные техники:

а) форма прямой цитации: «*Христос повелевает отвращаться брани и распрей, а вы постоянно занимаете своих детей этими злыми делами. Любящий душу свою, – сказал Господь, – потеряет ее (Ин. 12:25), а вы всячески вовлекаете их в эту любовь. Если не прощаете, – говорит Он, – людям согрешений их, то и Отец ваш Небесный не простит вам (Мк. 11:26), а вы даже попрекаете детей, когда они не хотят мстить обидевшим» [14, с. 34];*

б) форма частичного пересказа: «*Приступает несчастный отец ко Господу, по Его возвращении с горы, и посмотрите, как и здесь в руках Всемогущего медленно совершается дело исцеления. Господь велит привести больного к Немю; при этом с больным соделался сильный припадок, пад на земли валяешься, пены тещи. Кажется бы, сердце милосердное Господа расположило бы Его к состраданию и врачеванию. Но Господь предлагает вопросы: как давно это ему приключилось, как часто с ним бывает, на усиленные просьбы отца Господь требует от него веры – и только когда отец со слезами возопил ко Господу (значит, плачущий, пораженный горем, бросился ко господу), – [только] тогда Господь повелевает злему духу выйти из него» [11, с. 41];*

в) расширение смысла цитаты за счет толкования: «“Едино”... Но ведь это значит надо совершенно переродиться человечеству, надо стать совсем, совсем иным, чем оно было и есть! Надо совершенно переродиться – Христос так и говорит, что для этого “надо родиться свыше от Духа” (Ин. 3, 3-5) <...> Но такая истинная, настоящая жизнь, жизнь без злобы и лукавства, жизнь в любви и единении друг с другом, невозможна иначе, как только в тесном единении с Христом, как ветки дерева живут для тех пор, пока они на дереве, тесно сростись с ним и питаются одними и теми же соками, так и эта новая жизнь, данная Христом» [3, с. 406-407].

3. *Сосуществование двух языковых систем – церковнославянского и русского в текстах РД.* Принято считать, что православный РД имеет свой особый язык, который находится на службе участников религиозной коммуникации – церковнославянский. Действительно, церковнославянский является основным богослужебным языком Русской Православной Церкви. Однако религиозная коммуникация не ограничивается исключительно храмовым пространством: за его пределами, а также частично и внутри его (например, проповедь священника) используется русский литературный язык. Каково же соотношение церковнославянского и русского литературного языков? Данный вопрос вызывает активную дискуссию в современном русском языковом социуме.

Существует два лагеря, противопоставляющих церковнославянский и русский литературный языки. В первую группу входят так называемые «реформаторы», или сторонники русификации богослужения. Их аргументы сводятся к следующему: большинство современных носителей русского языка не обладает церковнославянской грамотностью. В советское время начальные знания по церковнославянскому языку, равно как и минимальные знания катехизиса, можно было получить только в двух случаях: 1) если в семье поддерживались православные традиции, и церковнославянской грамоте и Закону Божьему ребенок мог быть обучен представителем старшего поколения; 2) если церковнославянский язык присутствовал в качестве профессиональной дисциплины в учебных планах семинарий и светских учебных заведений историко-филологического профиля. Таким образом, по мнению реформаторов, сфера использования церковнославянского языка стала замкнутой и доступной пониманию достаточно узкой группы людей, что не может способствовать увеличению числа прихожан, которые в своем большинстве желали бы участвовать в богослужении на понятном им русском языке. При этом опыт Римско-католической, Немецкой Евангелической и Православной Американской Церквей, уже осуществивших перевод богослужения на национальные языки, показал, что желаемый результат не был достигнут – численность приходов не возросла (подробнее об этом – в статье Анны Гопенко «Возвышенное и земное: дебаты о языке богослужения в Русской Православной Церкви» [2]).

Оппозиционной по отношению к позиции реформаторов представляется точка зрения, согласно которой церковнославянский считается *sacra lingua*. Противопоставленный профанному русскому церковнославянский получает освящение во время многовековой литургической практики: «Славянский язык есть словесная икона, он должен быть признан такой же местночтимой святыней Русской Православной Церкви, как многие храмы и иконы; хранение славянского языка должно быть правилом Русской Православной Церкви» [4]. По сути, такая точка зрения демонстрирует феномен неконвенционального восприятия знака, суть которого заключается в том, что «знак <...> мыслится не как условное (немотивированное) обозначение вещи, но как часть, иногда как сущность обозначаемого» [9, с. 325]. Однако, как замечает Ф. Б. Людоговский, «если мы придаем сущностный характер тому, что возникло не от начала <...>, мы серьезно искажаем христианскую экклесиологию и сотериологию» [8], так как в христианстве нет догмата или канона о святости какого-либо языка. Так, именно Славянскому Учителю равноап. Кириллу, который вместе со своим братом Мефодием перевел Священное Писание с греческого на славянский, чужда всякая идея о сакральности языка (осуждение трехязычной ереси).

Стоит также отметить, что современные носители русского языка используют термин «сакральный язык» в разных значениях: для одних «сакральный язык» – это язык как способность, дарованная Богом человеку (ср.: у Н. К. Рябцевой: «В некотором смысле возникновение естественного языка – явление сверхъестественное, “дар Божий”: оно выделило человека из естественного для него биологического мира и наделило сверх-естественной, духовной силой, превратив в существо “над-биологическое”, общественное, культурное» [13, с. 18]), для других «сакральный» относится не только к Писанию, но и к языку, на котором оно написано. В первом случае речь идет, скорее, о богоданности языка как способности, или об онтологической сущности слова: *В начале было Слово, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть* (Ин. 1:1-2). Святость, которая дарована от Бога, неизменна и сообщается в первую очередь человеку (онтологический характер священного смысла). Формой выражения священного смысла становится текст (ср. *Священное* или *Святые Писание*). Святость не может иметь градацию, степени (не случайно в русском языке имена прилагательные *священный* и *святой* относительные, не имеют степеней сравнения (*священнее, *святее)), т.е. имеет целостный, абсолютный характер (ср. свойства Божии). Значит, языки, используемые для передачи данных смыслов, предстают собранием различных средств (лексических, грамматических, синтаксических), которые, в свою очередь, могут служить для передачи тех или иных смыслов. Так, например, нельзя сказать, какая икона – X или XIX века – в большей степени является святой, подобно также и храмовая архитектура может быть различной с точки

зрения стиля, эпохи своего создания, однако, это ни в коем случае не умаляет святости Алтаря. При этом, безусловно, стилевая дифференциация не может иметь абсолютно свободную форму выражения. Иными словами, форма выражения священного смысла не субъективна, она определяется *канон*ом.

Канон – это обязательная и неизменная часть религиозного дискурса, то, что составляет его ядро, сокровищницу сакральных смыслов. Исторически сложилось, что за церковнославянским языком закрепился статус языка-транслятора этих смыслов. С одной стороны, его изолированность от всего профанного, его использование в сфере святого (литургический язык), и, с другой стороны, его близость, коренное родство с русским языком (ср. метафору: церковнославянский – лоза, а русский литературный язык – его ветвь), способствовало становлению такой ситуации, которую в настоящее время можно было бы назвать диглоссией, которая определяется как «такая языковая ситуация, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык» [15, с. 6]. Для диглоссии характерно дополнительное распределение функций, что осложняет осуществление перевода: «сказанное может быть проиллюстрировано как невозможностью перевода сакрального текста на разговорный язык, так и невозможностью обратного перевода, т.е. перевода на книжный язык текста, предполагающего некнижные средства выражения» [Там же, с. 7].

Таким образом, РД включает в себя религиозную коммуникацию, как минимум один из участников которой является верующим, то есть исповедует каноническую православную веру. Наивысшую форму религиозной коммуникации воплощает в себе служба Богу, которая ведется на церковнославянском языке в Русской Православной Церкви. Теснейшее взаимодействие русского литературного и церковнославянского языков в наши дни продолжается, что демонстрируют современные тексты РД, которые создаются как на церковнославянском (службы, акафисты, каноны), так и на русском литературном языках (произведения духовной прозы и поэзии, а также множество текстов различных жанров, созданных на периферии религиозного и прочих функциональных стилей русского языка). При этом характерной особенностью текстов РД является постоянная воспроизводимость смыслов, заложенных в Библии.

Список литературы

1. Бугаева И. В. Функциональные, грамматические и семантические особенности номинации адресата в религиозной сфере [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rastko.rs/cms/files/books/49e593a4c6b5f> (дата обращения: 17.09.2014).
2. Гопенко Анна. Возвышенное и земное: дебаты о языке богослужения в Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2643758.html> (дата обращения: 28.08.2014).
3. Иеродиакон Софроний (Макрицкий). Белгородский старец архимандрит Серафим (Тяпочкин). 1894-1982. Жизнеописание. Воспоминания духовных чад. Проповеди / Храм Софии Премудрости Божией. М., 2004. 448 с.
4. Камчатнов А. М. Сакральный славянский язык в Церкви и культуре [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/44289.htm> (дата обращения: 28.08.2014).
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта; Наука, 2008. 464 с.
7. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 135-138.
8. Людоговский Ф. Б. Проблема понятности богослужебного языка: путь разума в поисках истины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/300330.html> (дата обращения: 25.08.2014).
9. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М.: Флинта; Наука, 2009. 582 с.
10. Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.
11. Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева / сост. Сергей Фомин на основе материалов из личного архива Елены Апушкиной. М.: Серда-Пресс, 2000. 768 с.
12. Розанова Н. Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин; Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Языки славянской культуры. М., 2003. С. 343-363.
13. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.
14. Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). Евангельское злато. Беседы на Евангелие. М.: Приход храма Святого Духа сошествия, 2004. 336 с.
15. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
16. Фуко М. Порядок дискурса. Воля к истине [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/21_f/uk/o_43.htm (дата обращения: 17.09.2014).

MAIN FEATURES OF CONTEMPORARY RELIGIOUS (ORTHODOX) DISCOURSE

Shlyakhova Natal'ya Aleksandrovna
Lomonosov Moscow State University
nshlyakhova@mail.ru

The article reveals and describes the main features of contemporary religious (Orthodox) discourse, determining its unique position in the stylistic system of the Russian language, namely: a special composition of the participants of religious communication; the presence of a central text, creating intertextual relations within the entire space of religious discourse; the co-existence of two linguistic systems – the Russian and Church Slavonic languages. The author analyzes the different points of view on the correlation between the Russian and Church Slavonic languages in the modern socium, and comes to the conclusion about the existence of diglossia.

Key words and phrases: religious discourse; religious communication; Bible; communicative frame; intertextual relations; the Church Slavonic language; the Russian literary language; sacred language; Holy Scripture; diglossia.